

“Балет мне жутко мешает, но не бросить...”

На генеральной “Анны Карениной” у главной героини еще не было костюма, финал повторяли несколько раз, но **Олег ВИНОГРАДОВ** был деловит и спокоен.

- Знаменитые балетмейстеры знаменитых театров всегда спокойны перед премьерой?

- Боюсь аккуратных прогнозов и репетиций, все потом обязательно вылезет на премьер. Были случаи, когда после генеральной приходилось заново делать спектакль.

Вообще я жестокий человек, ведь балет - прежде всего дисциплина и совесть. И я требую и кричу, но знаю, когда это можно делать, а когда просто недопустимо. Артисты не виноваты, что не готовы костюмы, что было мало репетиций, здесь больше нашей вины. Хотя и они работают недостаточно и завтра будут работать недостаточно. Эта труппа - загадка, стиль такой выработался. Лучше они работают на премьер, еще лучше, когда особая публика и особые условия, и совершенно фантастически работают за границей. И ничего нельзя изменить, все пробовал.

- Как вас теперь правильно называть - Мариинский балет или Кировский?

- Вы знаете эту историю. Мы сняли имя Кирова общим собранием, а вскоре пришло сообщение, что американские астрономы открыли малую планету и назвали ее “Киров-балет”. Нам пришлось вернуть имя, а то планета - есть, а театра - нет.

- Вы считаете, что наш балет по-прежнему “впереди планеты всей”?

- Мы - да. Не сомневаюсь. С нашими ошибками, проблемами. Наш театр уникальный и стоит на незыблемом фундаменте академической классики, чистоту которой мы и должны передавать из ног в ноги, не искажая, но в эстетике, соответ-

ствующей времени.

Что греха таить, такой труппы, как у нас, нет нигде и не может быть. Потому что нет другой такой школы, такой природы, такой театральности. Но ногами мы работаем гораздо хуже, чем многие западные. У них отношение к уроку другое. У нас урок - принуждение, у них - потребность. Больше всего мешает то, что нас семьдесят лет отучали работать, отсюда наши страдания и беды. Сегодня мы меняем все на ходу, ни на кого не рассчитываем и ни на кого не сваливаем своих проблем.

- Фаина Раневская пазывала балет каторгой в цветах.

- Добровольной каторгой, желаемой.

- Вы тоже чувствуете себя каторжанином?

- Как бы сказать понятнее? Я один из строителей этой каторги и делаю ее как можно более жестокой, но с невиданной красоты цветами, которые до меня никто не выращивал, во всяком случае, мне хотелось бы так думать, хотя, может быть, это и не получается.

- Ваш творческий путь далеко не всегда был усыян розами, и конфликт в театре был, и уезжали вы из Ленинграда.

- Это и нормально. То, что дешево дается, не ценится. Да, я убежал из этого города, мне было от чего убежать. Я бежал стремительно и агрессивно, потому что не хотел жить в коммуналке с тридцатью соседями и одним туалетом. Не хотел жить в голоде. Нас у мамы было трое братьев, и одни ботинки на троих, мы были нищие. Поэтому я ненавижу нищету и бедность. Теперь я снял заботу

государства о себе, пусть оно обо мне не беспокоится, лишь бы не мешало...

- А что, мешает и сейчас?

- В общем, нет, но есть идиотские мелочи, вот смена паспортов, например. Да мне и раньше не мешали, поэтому я не могу оценивать прежнее время однозначно отрицательно. Я ушел из Кировского театра, чтобы никогда не возвращаться, но меня назначили, именно назначили на должность главного балетмейстера. Я согласился на определенных условиях, и они были выполнены полностью. Я не могу обижаться, мне помогали и защищали в борьбе с негодьями, которых было предостаточно. На мою долю выпало обновление труппы, мне пришлось сокращать сто человек, да еще каких! Но так выпало, и я должен был это сделать.

- В те годы вы получили и все возможные награды. Премии, звания, орден Ленина. Кстати, вы его носили?

- Про свои награды я никогда не писал и не говорил. И орден никогда не надевал. А когда грабили мою квартиру, то и его украли. Хорошо, другие награды остались при мне.

- У вас и международных предостаточно.

- За состояние классики в нашем театре я одним из первых получил премию М. Петипа, за современную хореографию меня отметила Парижская академия танца, была премия Пикассо в Америке, награда кинематографистов Италии и Франции, французский орден за заслуги в искусстве. Но самое яркое мое воспоминание - официальное предложение возглавить “Гранд опера”.

Это было в 80-м году, во время гастролей в Париже.

- И какова была реакция официальных лиц?

- Замечательная. Все радовались, поздравляли, а когда мы вернулись в Ленинград, мне сказали, чтобы я и не думал об этом. После этого должность предложили Нуриеву.

- Значит, и вам не все позволялось.

- Это здорово, что все случилось именно так, все в жизни не случайно. Что я такое? Инструмент в руках судьбы и должен услышать того, кто играет на инструменте. Когда удается уловить, получается что-то, не услышишь - трагедия. Но сейчас жизнь очень интересная. Вот подарок с неба - балетная школа в Вашингтоне, которую я веду.

- Вы недавно летали в Америку. По школьным делам?

- Нет, на вечер памяти Нуриева. В Вашингтоне собрались

представители всех крупнейших театров мира, все “звезды”, с которыми пришлось работать Рудольфу. Я привез в Америку архивные документы из личного дела Нуриева, арестованные в свое время КГБ. Школьные характеристики, ученические оценки, заявление Рудольфа о переводе его в ШРМ, приказы директора. Черты характера, которые позже удивляли и шокировали, проявились уже в те годы.

Рудольф Нуриев - личность фантастическая, работоспособность - колоссальная. Он многого добился, стал богатейшим человеком. Ради чего? Он хотел пожить немного, так и не успел. И я хочу пожить. Больше всего искусство создает мне беспокойство, больше всего мешает жить. Я не псих, я нормальный человек и не буду цепляться за лишний день в искусстве. Мне хочется как можно скорее позволить себе то, чего я никогда не мог позволить, - просто жить, хоть немного, сколько отпущено. Балет мне жутко мешает, но не бросить.

- А потом с удочкой на озеро?

- Нет, я обычно шучу, что балет - это хобби, а главное мое стремление - парус. У меня замечательная яхта, вообще, все, что я придумываю, я придумываю на воде. Жду момента, когда выйду под парусами.

- Скоро лето.

- Да, но сейчас турне по Европе, в конце июня - в Испанию, потом пять недель в Лондоне. В Сеуле ставлю “Лебединое”, там будет серия моих спектаклей, надо выскочить на подготовку школьного концерта в Вашингтон, во Флориде будет выставка моих картин...